
[рецензии]

Федор Блюхер

Что есть Власть?

Кажется, что ответ на этот вопрос дает нам книга А. Кожева «Понятие власти», вышедшая в прошлом году в издательстве «Праксис». Книга хорошая, но, как иногда бывает, неоконченная. Скорее даже не книга, а набросок, творческая лаборатория, где автор, пытаясь понять феномен «власти», рассматривает имеющиеся в наличии концепции Платона, Аристотеля, схоластов и Гегеля и замечает, что властные прерогативы Судьи, Вождя, Отца и Господина могут быть согласованы между собой. И если в качестве аналитической базы, по мнению Кожева, выбрать «Метафизику» Аристотеля, учение о времени неоплатоников, этику Канта и, конечно же, «Феноменологию духа» Гегеля, то можно создать логически выводимую полную классификацию, описывающую шестьдесят четыре типа Власти. Большого и желать трудно, – при условии, что результат философской работы – не пара фокуснических фраз, придуманных с целью «создания собственного дискурса». Но заявленная Кожевым задача, не получив окончательного (онтологического, в его терминологии) обоснования, превращается в дискурс, то есть набор по отдельности правильных фраз, метко подмечающих существенное положение дел и создающих видимость объяснения, минимально необходимого для коммуникации.

Некоторые фразы «Понятия власти» – книги, написанной более 60 лет назад, – кажутся полемически актуальными. Так, о самом первом президенте России, пожалуй, точнее и не скажешь: «Если Власть Отца удерживается, будучи просто вынесенной за пределы политической власти, то она фиксируется в Семье. Эта “авторитарная” Семья будет, по определению, противостоять Государству (лишенному Власти Отца). Мы вновь обнаруживаем античный (языческий) конфликт между Семьей и Государством, который, будучи *сущностным*, неизбежно раньше или позже ведет к *уничтожению* одного из соперников»¹. Следующий пассаж тоже довольно точ-

¹ Кожев А. Понятие власти / Пер. с фр. А.М. Руткевича. М.: «Праксис», 2007, с. 107.

но описывает период смены власти. «После ампутации “Отца” Политическая Власть по необходимости оказывается (чтобы вообще оставаться *политической*) прежде всего Властью Вождя... Так “конституционная” теория с ее “революционной” буржуазной *реализацией* неизбежно завершается “Диктатурой” какого-нибудь Наполеона... Но так как лишенное прошлого Настоящее с необходимостью предполагает Будущее (чтобы оставаться человеческим или политическим), то Вождь-Диктатор всегда должен представлять “революционный проект” в процессе его осуществления. Так логичным завершением “конституционной” теории какого-нибудь Монтескье оказывается теория “перманентной революции” какого-нибудь Троцкого»². В настоящем укреплении правопорядка может таиться следующая опасность: «Сделавшись царем, он [практиковавший справедливость мидиец. – Ф.Б.] потребовал стражу для укрепления его власти. Получив такую, он продолжал судить по справедливости, но добавил к ней *суровость*, преследуя виновных даже тогда, когда никто его об этом не просил. (Иначе говоря, из *арбитра* он превратился в *судью* и прокурора.)»³.

Возможные будущие игры с Властью описываются в следующих суждениях. Если Власть и далее будет укрепляться через усиление монополии вертикали, то суверенная демократия может однажды стать суверенной бюрократией. «Базис” Государства есть в то же самое время и “базис” политической Власти: это оно ее “содержит” и “осуществляет”, в нем и через него Власть реальна (деятельна). Эта *реальная* политическая Власть либо *автономна*, либо *зависима*. В первом случае это – Власть Вождя *Государства* (индивидуального или коллективного); во втором случае она представляет собой Власть *Чиновника* (индивидуального или коллективного), который осуществляет свою Власть в зависимости от Власти Вождя»⁴. Если побеждает идея искусственного разделения законодательной и исполнительной власти (а пример соседней демократической Украины у нас перед глазами), то «Власть Вождя, *обособленная* от Власти Господина, приобретает “утопический” характер: *отделенная* от исполнительной, законодательная власть создает “Утопию” вне всякой привязки к Настоящему (т.е. к *реальности*) и сокрушает тем самым ту Власть, которая ее произвела, а вместе с ней и Государство в “разделенной” форме. Что же до Настоящего, то оно “дегуманизируется” по мере того, как отрывается от Будущего. В политическом плане это означает, что исполнительная “власть” в своей “разделенности” вырождается в простое “администрирование” или в “полицию” (“Правительство-Жандарм”):

² Там же, с. 104.

³ Там же, с. 37.

⁴ Там же, с. 98.

она становится чем-то чисто “техническим”, не считающимся с *сущим*, т.е. с “грубыми” фактами. А к таковым относится взаимоотношение действующих ныне *сил*. Именно сила детерминирует действие обособленной исполнительной власти: оно становится, как говорят марксисты, *классовой* “администрацией” или “полицией”. Но тем самым оно утрачивает свой политический Авторитет Господина⁵.

Но, несмотря на все эти выводы, как бы адекватно описывающие нашу действительность, мы должны признать труд Кожева чистейшим идеализмом (воспользуемся этим старым, странным словом, кажется окончательно вышедшим из философского обихода). Вот ведь хороший текст, слова произнесены верные, совпадение почти стопроцентное, кажется, чего еще желать. Да и так ли уж плох идеализм, как нам рассказывали об этом в университете.

Разница материализма и идеализма вовсе не в признании объективности материи, то есть, конечно, и в признании, но суть современного расхождения этих двух философских доктрин в другом. Проблема «признания» вообще не философская, а скорее религиозная. Признавать или не признавать что-либо чем-либо – дело сугубо личное и, как показывает история, часто не контролируемое даже самими «признавателями». Фашистско-троцкистский вы шпион или исламский фанатик-ваххабит, в конечном счете решаете не вы, а следователь или суд присяжных. Разница материализма и идеализма в возможности использования предложенного философией аппарата для решения реальных проблем. Материализм должен предлагать аппарат, способный измерять приложенные усилия для достижения нужного вам результата в количественных параметрах. Причем неважно, в каких единицах будут проводиться эти измерения: джоулях, долларах или годах. Как показала практика, последнее легко конвертируется. «Год условно» за один миллион долларов – вполне себе «гешефт». Собственно говоря, материализм и заключается в общепризнанности и, если угодно, наличной предъявленности, материальности данных единиц измерения. Они, а вовсе не философская категория объективной реальности, данной нам в ощущениях, являются современной материей. В современном мире частных инвестиций, долгосрочных займов, длительных туристических поездок, карьерного роста, мирового финансового кризиса материализм победил, превратившись из мировоззренческого проекта в повседневную практику. Как когда-то писал К. Маркс: «Рыцарские замки пали не благодаря пушкам и пороху, а из-за развития товарно-денежных отношений». Что же остается идеализму? – Тоже, знаете ли, реальные проблемы, но такие, которые нами в силу различных причин не контролируются, а иногда даже не осознаются. Ну подумайте, когда мы вступаем во властные отношения?

⁵ Там же, с. 119.

Ребенка в угол запихнуть, с мелким чиновником поскандалить, задания подчиненным поставить – вот, пожалуй, и все. Деньги или, точнее, технологии работы с современными платежными средствами вытеснили из нашей жизни властные отношения в чистом виде. Все в современной жизни имеет свою цену, и прообразом жизненной целесообразности оказывается урегулирование мелких вопросов с сотрудником ГАИ.

Но ведь так было не всегда. Еще совсем недавно месткомы, парткомы, партийные собрания, комсомол, профсоюз были органами власти, в которых мы участвовали, нас выбирали, мы организовывали, отчитывались. Оставим в стороне бескорыстных идеалистов, игравших в эти игры не за земные блага – «их царствие небесное». Большинство из нас если само не участвовало в привилегированном перераспределении средств через властные отношения, то вполне обоснованно подозревало, что истинные цели «начальства» далеки от идеалов социальной справедливости. Власть, конвертируемая в привилегии, была материальна. Власть, утверждающая идеалы мира и социализма, – идеальна и потому представляла из себя большую Тайну, вокруг которой и возникал дискурс, или, по-русски, интеллигентские разговоры на кухне. Эти разговоры ради разговора (как бы сейчас сказали, дискурс) и есть признак идеализма. Все эти идеологические разногласия, доклады, метафоры, мессиджи, если они идеальны, существуют просто для того, чтобы существовать, если они материальны, то это законы, постановления, договора, приказы, и это не дискурс власти, это сама Власть. Правда, когда о Власти говорит философ, разговор получается по меньшей мере осмысленный.

Выделив первичных четыре формы власти – «Отца», «Господина», «Вождя» и «Судьи», – Кожев напрямую связывает их с ритмами человеческого Времени: Прошлого, Настоящего, Будущего и Вечного. «Власть Отца есть “манифестация” Прошлого, Власть Вождя и Господина “манифестируют”, соответственно, Будущее и Настоящее»⁶. «Власть Судьи есть Власть Вечного, противостоящая трем временным Властям...»⁷ Отсюда остается сделать ровно один шаг до отождествления темпоральности и каузальности, и мы получаем знаменитые четыре причины Стагирита. «Время – в его отношении с Вечным – осуществляется в темпоральном мире через “каузальную” структуру последнего. Не входя в детали, заметим, что, если Вечность осуществляется посредством “формальной причины”, Время реализует Прошлое как “материальную причину”, Будущее как “целевую причину” и Настоящее как “действительную причину”»⁸.

⁶ Там же, с. 84.

⁷ Там же, с. 80.

⁸ Там же, с. 88.

Конечно, мы должны делать скидку на то, что перед нами текст, не предназначавшийся для публикации. В авторской лаборатории, в предварительных набросках можно проигнорировать и критику причинности Юма, и логический принцип «прежде того, не по причине того», но мы, читающие этот текст сегодня, не должны забывать одно положение Канта. «Так как опыт есть познание объектов посредством восприятий, то отношение в существовании многообразного должно представляться в нем не так, как оно складывается во времени, а так, как оно объективно существует во времени, и так как само время воспринимать нельзя, то определение существования объектов во времени может быть осуществлено только посредством связывания их во времени вообще, стало быть, только посредством понятий, а priori устанавливающих связь. Так как эти понятия всегда, вместе с тем, заключают в себе необходимость, то опыт возможен только посредством представления о необходимой связи восприятий»⁹. Или, говоря по-русски, не под анализ модусов времени должно подгонять причинное объяснение, а исследование необходимых связей действительности должно описываться при помощи тех или иных модусов времени.

И все-таки Кожев ухватил одну очень важную сторону природы власти – ее добровольное признание. «Употребление власти не только не тождественно использованию силы (насилия), эти два феномена взаимно *исключают* друг друга. Вообще говоря, для употребления Власти следует *ничего не делать*. Обязательность вмешательства посредством силы (насилия) указывает на то, что Власть отсутствует»¹⁰. При этом Кожев политизирует власть, считая, что власть возможна лишь как добровольное подчинение одного человека другому. Но бывает власть голода, власть случая, власть обстоятельств, например рыночных колебаний мировых цен на нефть.

Кожев – умный идеалист, который, по меткому замечанию одного из классиков марксизма-ленинизма, «лучше глупого материалиста», но, чтобы выйти за пределы только дискурса, приходится стать материалистом и обратиться к анализу грубой действительности. И здесь мы сразу поймем, что насколько бы хороша ни была концепция «добровольного подчинения», одного существенного свойства власти она не учитывает: такую власть абсолютно невозможно захватить. Однако мы прекрасно знаем, что власть не только захватывают, ее еще и защищают, причем очень часто не по доброй воле. Итак, любой материалист вам скажет, что основа власти – сила, принуждающая к подчинению.

Рассмотрим простую формулу. В самом элементарном виде власть – это способ заставить человека что-либо делать или не делать. Вынесем сей-

⁹ Кант И. Сочинения в 6-ти тт. Т. 3. М.: «Мысль», 1964, с. 249.

¹⁰ Кожев А. Указ. соч., с. 19–20.

час за скобки метод, которым воздействуют на человека. Остается власть как сила, заставляющая человека повиноваться. Чтобы описать эту силу, нам нужно ее измерить, ведь неизмеряемое количественно не оценивается и в конечном счете не описывается. Для этого мы должны взять две силы, действующие в противоположных направлениях. Одна из сил будет иметь природное начало, исходить от самого человека, – назовем ее силой его хотения или, если угодно, «свободой»; другая – сила, которая может заставить человека отказаться от данного хотения. Причем последняя не просто равна первой, она должна быть градуированной, то есть мы должны уметь повышать или понижать эту силу в зависимости от целей управления человеком. Кодифицированная система наказания и есть первичная сила, останавливающая индивидуальное хотение и регулирующая его. Исторически первыми текстами, позволяющими нам делать какие-либо заключения о характере и свойствах власти, были правовые кодексы. Право как разработанная в истории система наказания и была первой Властью. «Когда законы (разработаны) подробно, число наказаний увеличивается; когда законы кратки, число наказаний сокращается»¹¹. Поэтому анализ Права так захватывает исследователей политической власти от Гегеля до Бибихина. Вот и Кожев оставляет недописанной «Понятие власти» и начинает работать над «Очерком феноменологии права».

И, тем не менее, тайна Власти не в Праве, точнее – не только в Праве. Разумность в виде добровольности или привычки, выгода в виде полученных средств или уменьшения издержек, страх, не обязательно перед людским судом, – все это может выступать как основа принятия человеком позиции подчинения чьей-то власти. Но если мы не можем предположить чего-то единственного для обозначения и измерения силы, заставляющей человека подчиниться, то остается признать, что власть одновременно идеальна и объективна, то есть является той реальной силой, которая связывает человеческие индивиды в социальность и в своих конкретных проявлениях зависит от различных условий проживания данных конкретных людей. Власть, основанная на рациональном подсчитывании возможной выгоды, и власть, основанная на иррациональном страхе перед будущим, оказываются различными типами власти, и тезис о «демократии либо авторитаризме» онтологизируется и приобретает не только кровь, но еще и плоть. Лишь одно связывает эти разные основания: речь идет о будущих, возможных событиях.

Власть создает социальный субъект, соединение людей, способных существовать вместе для общего блага. И если Благо в отличие от добра понимать в платоно-аристотелевском смысле, то власть и есть основание бла-

¹¹ Древнекитайская философия. Собр. текстов в 2-х тт. Т. 2. М.: «Мысль», 1973, с. 215.

га. Без объединения людей в социальность благо невозможно. Но объединение возможно лишь при помощи власти. Это не значит, что сама власть – благо, то есть, находясь в здравом уме и твердой памяти, мы признаем над нами власть Блага, но не считаем, что всякая власть дана во благо.

Здесь нам опять придется обратиться к материализму как способу анализа действительности, чтобы понять, о каком будущем благе мы говорим. Для любого человеческого сообщества таким благом является защита и нападение. Защита своей социальности (заметьте, не собственности) – жены, семьи, рода, племени, двора от застройщиков, в конечном счете государства от Чужого. Нападение с целью добычи для потребления – пропитания, женщин, рабов, денег и всего, что делает нападающую социальность сильной и способной стать Хищником. Что уж тут поделывать, может быть, когда-нибудь в будущем люди и откажутся от мяса, но пока природа человека требует богатой белком пищи, и социальность ему эту пищу обеспечивает, если не за счет собственного производства, то за счет другой социальности. «Чужой» и «Хищник» в этом первичном архетипическом смысле – вовсе не метафоры из американского фильма, а постоянные и необходимые функции выживания для любой человеческой социальности.

Власть в виде силы, принимаемой добровольно или навязанной обществу в форме необходимости подчинения, получает обоснование в успешной социальной деятельности. Для этого обществом или его отдельными членами (способными удерживать остальных членов общества в повиновении) должна быть принята цель данной деятельности. Из этой функции впоследствии возникает политика. Сама же Власть – не более чем механизм управления людьми как «природными силами». Рыдать по потерянной свободе бесполезно. Ругать власть за то, что она такая, какая есть, – все равно, что ругать человека за то, что он существует. Невозможно изменить власть, заменив людей во власти, изменять нужно не власть, а политику, которую власть осуществляет. Борьба за власть имеет смысл, если вы можете сформулировать альтернативную данной власти политику. Но тогда ее необходимо рационально обосновать. Апеллировать же к тому, что наша современная государственная Власть сама по себе негуманна и недемократична, просто глупо, тем более что претендующих на сорокалетнюю прогулку по Синаю что-то не видно. Хотя нужно признать, что некоторые призывы к гуманизации Власти иногда находили отклик в человеческой истории. Как говаривал один китайский император династии Цин: «Мой дед был большим гуманистом, до него великих разбойников и смутьянов казнили вместе с родственниками до 7 колена, а он велел казнить родственников разбойников только до 4 колена».